

В лесных делах не может быть равнодушия...

Уничтожая леса, люди подрезают
основу своего существования.

К. Паустовский

**Юрий Григорьевич
ШПАКОВСКИЙ,**
главный редактор журнала
«Вестник Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

«Черные» лесорубы

История незаконной порубки деревьев насчитывает не одно столетие. Лес рубили всегда, но правовая оценка данному деянию была дана не сразу. Интересно народное восприятие этого явления. Например, по понятиям крестьян, воровство у помещика грехом не считалось. Жители деревень утверждали, что лес «это не людское, а Божье». На их взгляд, и вода, земля, дикие звери, птицы и рыбы созданы Богом для всех людей на потребу и в равном количестве. Вот и лес никто не растил, он сам вырос. Им может пользоваться каждый, и это нашло отражение в народном фольклоре: «Вырос лес, так выросло и топориче».

Крестьянская логика в данном случае проста и понятна: не может быть собственностью то, к чему не приложен труд. А логика сегодняшнего «черного» лесоруба какова? Она тоже проста и тоже материальна, но уже с серьезной финансовой подоплекой. И «черный» лесоруб сегодня — не одинокий мужик в ватнике с топором. Это хорошо организованные и технически оснащенные (даже вооруженные) группы, нередко работающие под «крышей» полиции и местной власти. Результат преступного тандема — тысячи и тысячи гектаров пустоши.

© Ю. Г. Шпаковский, 2022

Довырубались — почти пустыня

Практически бесконтрольная вырубка лесов началась в России в смутные 90-е. Старые законы уже не действовали, а новый Лесной кодекс появился лишь к 2006 году. На бумаге лесное хозяйство отдавалось под контроль регионам, вырубка регламентировалась пошлинами и разрешалась лишь после проведения аукционов. «То, что там происходит, вообще ни в какие ворота не лезет. И главенствующий принцип здесь, к сожалению, остается: любой ценой взять объемы, а после хоть трава не расти. И не растет — ни трава, ни лес не растет. Потому что повсеместной практикой стали так называемые серые схемы выделения лесных участков, ну и вообще жульничество процветало так, как никогда, расхищение просто зашкаливало, процветали хищнические, нелегальные вырубки», — такова оценка ситуации, которую дал В. В. Путин.

Однако было бы неверным обойти вопрос экологической системы с точки зрения истории формирования российской государственной системы охраны леса.

Экскурс в историю лесного законодательства

Проблема защиты леса от незаконной рубки начала занимать умы государственных деятелей, законодателей достаточно давно. Вместе с тем, если мы обратимся к истории Древней Руси, то обнаружим, что лес в качестве категории земель упоминается крайне редко. В летописях XI—XII веков чаще попадаются материалы о пашенных и луговых землях, бобровых гонах и сенокосных угодьях. Каких-либо ограничений на использование лесов не было, так как лес являлся естественным элементом ландшафта. А при отсутствии ограничений и в законах необходимости не было.

Первое упоминание древостоев появилось в собрании правовых норм «Русская Правда» Ярослава Мудрого. Было введено право собственности на лесные промыслы, а также установлена ответственность за нарушение этого права. В первую очередь к лесным промыслам относилось бортничество (бортевое пчеловодство), ведь мед и воск были весьма ценными объектами торговли с Византией. Впервые Закон Ярослава о церковных судах и земских делах стоит на почве равноценного талиона: «Всякий, секущий чужие деревья, подвергается особому наказанию — рука его знаменна будет». Но как это, так и другие постановления московских князей лишены, в сущности, серьезного значения, ибо лесные богатства могут защищаться только в том случае, если успеет в достаточной мере выработаться правовой тип владения лесами, а это наступает в России приблизительно к XVII столетию.

Так, например, Соборное уложение Алексея Михайловича 1649 года содержит некоторые статьи, окончательно закрепляющие право феодально-государственной собственности на леса России. Уложение царя Алексея Михайловича рассматривает самовольные порубки как нарушение прав владельца; оно запрещает их, но под угрозой платы истцу денег за лес. Из этого можно сделать вывод, что ценность нарушения к этому времени уже определилась достаточно

ясно. В нарушениях лесной собственности видели только имущественный вред, который и должен быть оплачен.

Эта общая мысль не имеет применения в тех случаях, когда на лес были положены заповеди, все равно в виде ли охранный заповеди, засек или объявления заповедности. В данном случае принцип имущественного вреда отходит на задний план и выдвигается интерес государства, вооружающегося карательной властью против ослушника царской власти. Но и здесь, строя наказание по другим мотивам, практика не распространяла их далее штрафа, который являлся не только вознаграждением владельца, но и денежную пенею за ослушание. Тот же денежный штраф применяется в случае нарушения законов о засеках, и только в особо важных случаях к виновным применялось битье кнутом, а в случае рецидива — и смертная казнь.

Понимание леса как объекта хозяйствования и стратегически важного для государства ресурса начало формироваться благодаря резкой смене политического курса при Петре I. Причиной же появления лесного хозяйства в России становится потребность в корабельном лесе, повлекшая за собой формирование системы лесоуправления и лесного законодательства.

Петровское законодательство идет от идеи государственной пользы: всякая рубка является самовольной, если она производится вопреки распоряжениям закона; в данном случае охраняется уже не имущественный интерес владельца, а интерес государства, и понятно, что наказуемость возрастает от штрафов до смертной казни.

Формирование внутреннего содержания понятия «самовольная порубка леса» происходило параллельно с развитием государственной лесной политики, оформлением института лесной собственности, совершенствованием системы лесного законодательства. При Петре I была запрещена самовольная рубка лесов, имеющих значение для кораблестроения, но вместе с тем за крестьянами было оставлено право свободного пользования менее ценными лесными массивами, в том числе теми, которые составляли собственность помещиков. Запреты распространялись лишь на ценные корабельные рощи. Сибирским обывателям в силу отдаленности региона от центров кораблестроения была разрешена рубка леса на удовлетворение своих потребностей без каких бы то ни было ограничений.

Однако необходимость в лесных продуктах, привычка населения к свободному пользованию лесом заставляли Петра изменять строгие кары и путем отдельных указов то разрешать рубки, то уменьшать наказания за них. Учреждение вальдмейстеров, господство инквизиционного процесса, пытки, допросы, доносы, старания чиновников выслужиться и охранить леса от порубок, — вот чем была наполнена история Петра I. И все это, однако, не приводило к цели, и самовольные порубки совершались легко и свободно. Сами вальдмейстеры не заслужили в народе ни уважения, ни доверия, так как штрафные деньги употреблялись на содержание вальдмейстерской канцелярии, а сами деньги взимались

Петр I сажает дуб.
Художник В. П. Худояров, 1860-е гг.

теми же чиновниками. Наблюдались также случаи покровительства порубщикам, и виновным вальдмейстерам грозил кнут, вырезание ноздрей и ссылка в каторжную работу.

Не приходится говорить о законодательстве последующем: в нем ни системы, ни определенных намерений не наблюдается. Распоряжения Екатерины II вызывают либеральное отношение к лесным богатствам, население, до этого времени не имевшее определенных понятий в этом вопросе, приступает к широкой эксплуатации лесов, правительству остается размежевать лесную собственность. Само собой разумеется, что строгие меры из прошлого должны были отпасть как не соответствующие либеральным течениям эпохи. Указ 22 сентября 1782 г. «О распространении права собственности владельцев на леса, в дачах их растущие» вносит в понятия населения новый мотив, и благодаря этому сущность самовольной рубки не получает надлежащего выражения.

В царствование Павла некоторые порубки, особенно большие и важные, были открыты, и виновников судили даже военным судом по законодательству Петра I; во всех волостях были прочитаны запретительные указы о рубке, приняты меры к размежеванию, и все это не могло вытравить из сознания населения мысли о свободной рубке.

То же самое продолжалось и при Александре I, когда предписано было местному начальству наблюдать, главным образом, за крестьянами и удерживать их от своевольного истребления лесов, им не принадлежащих. И в то же время число самовольных порубщиков доходило до нескольких тысяч человек. Рубили, разумеется, те, у кого не было своего леса, — крестьяне.

Порубщики леса. XIX век

Серьезные меры против виновников принимаются в эпоху Николая I. Пойманные порубщики за сопротивление лесным чинам подвергаются военному суду, как бунтовщики; взыскивают с порубщиков штрафы и назначают сроки для внесения их; в противном случае виновного отдают в солдаты; если оказывался непригодным к службе, то ссылали на поселение. Для нормальных же случаев порубки назначался денежный штраф, сначала по усмотрению суда, а затем в двойном размере. В некоторых местностях, как, например, в Финляндии, порубщики отдавались на время в казенные работы. Знаменитый английский естествоиспытатель Р. Мурчисон, приезжавший в Россию в 1840 г., на аудиенции у Николая I на вопрос о самых сильных впечатлениях от своего путешествия, ответил: «Быстрота, с которой истребляются леса в прекрасной стране Вашего императорского величества».

Последующее законодательство точно так же занимается вопросом о наказуемости порубок. Само понятие преступления остается незатронутым, и государство борется с ним лишь посредством изменения наказаний.

Лесная стража

Кроме наказаний, в арсенале государства существовали и другие механизмы — государственная система охраны лесов.

Впервые упоминание о существовании ведомства по охране казенных лесов в составе Лесного департамента Адмиралтейств-коллегии датируется 12 марта 1798 г.

До этого указа для охраны казенных лесов ежегодно назначались «добрые люди» из местных жителей, крестьян и приказчиков, по выбору населения. Назначение местных крестьян для охраны лесов практиковалось по крайней мере с начала XIX в. Именным указом императора Александра I от 2 июля 1802 г. был определен состав лесной стражи: казенный лесной надзиратель, или ферстер, из отставных солдат или матросов, и 8 унтер-ферстеров.

Количество лесной стражи зависело от величины леса и от обстановки в конкретной местности. Так, 27 августа 1802 г. для надзора за казенным лесом Санкт-Петербургской губернии были назначены ферстеры и караульщики. Для конной охраны больших площадей — объездчики. По Указу от 18 декабря 1803 г. при засеках состояла казенная лесная стража из 212 караульных под командой 7 унтер-ферстеров.

В 1830-е гг. функции ферстеров перешли к младшим лесничим, а в составе лесной стражи остались лесные объездчики. Положение о постоянной лесной страже по ведомству Министерства финансов от 28 декабря 1832 г. установило деление леса на объезды и обходы.

В 1839 г. император Николай I утвердил Положение о Корпусе лесничих. Лесничие стали военнослужащими. Русский государь посчитал, что лучше военных с задачами по охране лесов и лесных угодий никто не справится. И он был прав. В составе корпуса имелись запасные ученые лесничие. Они предназначались для обучения лесничих или заменяли ушедших в отпуск. Был определен штат для лесничих. По штату в Корпусе было определено 726 офицеров. Согласно штату, имелось: генералов — 4, полковников — 12, подполковников — 33, майоров — 41, капитанов — 69, штабс-капитанов — 99, поручиков — 113, подпоручиков — 145, прапорщиков — 210.

Губернские лесничие, в зависимости от количества казенных лесов, имели должностной чин от майора до полковника, окружные инспектора и окружные лесничие — от штабс-капитана до майора, лесничие — от подпоручика до штабс-капитана, подлесничий и чины лесных застав (приставы и надсмотрщики) — от прапорщика до поручика. Кроме жалования, лесничим и подлесничим выделялась земля в личное пользование: до 15 десятин лесничим и до 10 десятин подлесничим.

Лесник в окрестностях Вознесенской мануфактуры. 1890 г.

Прохождение службы офицеров Корпуса лесничих регламентировалось армейскими положениями.

Положением от 13 февраля 1846 года была введена военная Лесная стража из добровольцев, прослуживших в войсках не менее 20 лет. Она просуществовала до 1869 г., когда Положением о казенной лесной страже от 3 июня лесная стража стала вновь состоять из объездчиков и были введены подчиненные им лесники. Те и другие определялись губернскими лесничими из лиц всех сословий не моложе 21 года и по возможности грамотных. Увольнялись они только после сдачи порученных им участков.

Объездчики и лесники были обязаны оповещать земскую полицию о возникших пожарах и оказывать ей помощь в поимке преступников, скрывавшихся в лесах. Объездчик был обязан в счет заработной платы содержать верховую лошадь. Объездчик имел нагрудный знак из желтой латуни с государственным гербом и надписью «казенный лесной объездчик».

В 30—60-е гг. XIX в. нижние чины лесной стражи были вооружены кавалерийскими саблями (объездчики) и саперными тесаками (стрелки). В ряде частных лесных владений имелась лесная стража, построенная по тому же принципу, что и казенная. Лесная стража просуществовала до 1917 г.

После Октябрьской революции все леса вместе с другими природными ресурсами были национализированы. В 1917 г. был принят Декрет о земле, который устанавливал: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда».

27 января 1918 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов принят Закон о социализации земли. 27 мая 1918 г. Закон дополняется Декретом «О лесах». Декрет классифицировал леса в зависимости от целевого назначения: защитные леса — территория, лесопользование на которой ограничено; эксплуатационные леса — территория для извлечения материальных лесных или денежных выгод.

Государственная собственность на лес неоднократно подчеркивалась в последующих нормативных правовых актах. Лесной кодекс РСФСР 1923 г. закрепил разделение единого государственного лесного фонда на леса местного значения и леса общегосударственного значения. Конституция СССР 1923 г. и конституции союзных республик закрепили исключительное право собственности государства на лес. Крестьяне эту социалистическую реальность поняли по-своему: раз нет собственника, следовательно, лес можно рубить всякому и где вздумается.

В нашей стране, однако, довольно широко распространено представление о том, что во времена СССР лес берегли и рубили относительно мало, и только после распада Советского Союза лесорубы как с цепи сорвались — начали заготавливать древесину в невиданных ранее объемах.

Так ли это, мы стараемся рассказать на страницах нашего журнала в последующих номерах.